

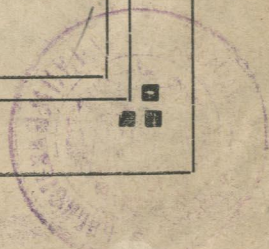
5. 8.  
34405.

К. Бальмонтъ.

**РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ Я  
ИЛИ НѢТЪ.**



Издательство „ВЕРФЬ“ въ Москвѣ.



58/34405

К. Бальмонтъ.

РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ Я ИЛИ НѢТЬ.

52009



Издательство „ВЕРФЪ“ въ Москвѣ.

Тверская, Мамоновскій пер. 2.

1918.

БИБЛИОТЕКА  
Академии Наук  
СССР



К. Валькович

РЕВОЛЮЦИОНЕРЪ И ЧЛН НРТА

20052

Издательство "Вит" в Москве  
С. М. Мамонтовский пер. д. 2

---

Типо-лит. бывш. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., д. № 2.

## Революціонеръ я или нѣтъ.

Спроси благаго лебедя, птица ли онъ и умѣетъ ли онъ летать. Ничего не отвѣтивъ, лебедь взмахнетъ своими бѣлыми крыльями, содружными по цвѣту съ облаками неба, и улетитъ отъ докучнаго къ отъединенному лѣсному затону, и въ голубомъ водномъ зеркалѣ будутъ проплывать отраженія благаго призрака, любящаго вольность, крылатаго призрака, содружнаго по цвѣту съ облаками неба и съ бѣлизною нагорныхъ снѣговъ.

Спроси цвѣтокъ, умѣетъ ли онъ любить Солнце. Онъ отвѣтитъ тебѣ молчаливо, — онъ слегка качнется отъ твоего дуновенія, онъ слегка отшатнется отъ тебя, и сильнѣй дохнетъ своимъ воздушнымъ ароматомъ, который есть благоговѣйная молитва къ Солнцу.

О, спроси вѣтеръ, волну, — спроси колось и верховнаго жаворонка, — все стройно и правдиво въ Природѣ, и отвѣтятъ ли они тебѣ или не отвѣтятъ, въ ихъ движеніи, въ ихъ краскахъ, въ ихъ шорохѣ, въ ихъ цвѣтѣ, каждый, кто истинно ищетъ отвѣта, найдетъ полнозвучный отвѣтъ.

Но въ мірѣ людей, гдѣ лгутъ, все не то. Здѣсь умываются кровью, здѣсь утираются жестокостью, и улыбаются убійству, и обнимаютъ грабежъ. А все это вмѣстѣ живо называютъ правдой. Сидятъ на цѣпи, какъ дворовые псы, которымъ не каждый день бросятъ корку хлѣба. Цѣпь разбиваютъ — ихъ пожалѣвшіе, снимаютъ съ нихъ тѣсный ошейникъ, и вотъ ужъ не псы они больше, они волки. Они бѣшенныя собаки, рвущія своими, обрызганными слюной, зубами ту руку, которая ихъ освободила. Оборотни, притворяющіеся предъ собой и предъ міромъ, начинающимъ ихъ ненавидѣть міровою ненавистью, говорятъ о свободѣ — и замыкаютъ своихъ братьевъ въ

тюрьму. Говорятъ: „Мы преобразуемъ“, а только разрушаютъ красивое созданное, безсильные въ своемъ уродствѣ что-нибудь создать. Зовутъ себя освободителями—и удушактъ вольность человѣческаго слова. Называютъ себя неимущими, а сами, беря плату за кровь, беря плату за лѣнь, оцѣнивая на монету свои убѣжденія, утопаютъ въ ростовщичествѣ, вымогательствахъ, и взяткахъ. И, говорятъ о братствѣ, а въ это время рѣжутъ чужое горло. И будучи маленькими летучими мышами и косокрылыми тяжелыми вампирами, говорятъ: „Это мы—умѣемъ летать. мы—птицы“.

Но нѣтъ. Ни прыгающая по воздуху, приплясывающая въ пустотѣ и дурно пахнущая, летучая мышь, ни поднимающійся на нѣкоторую высоту, для ночного мародерства, косокрылый вампиръ не завоюютъ воздухъ и не станутъ птицами. Не имѣть царствовать въ синевѣ, какія бы полчища ихъ ни сгромоздились волею историческаго Апокалипсиса,—ихъ грязно-сѣрыя тѣни пройдутъ, какъ проходятъ всѣ тѣни, а бѣлый лебедь будетъ живъ, неприкосновенный, въ своемъ лѣсномъ затонѣ, и солнечный жаворонокъ будетъ звенѣть, взлетая къ Небесному Костру все выше и выше. Вотъ придетъ весна.

Если Революцію понимать какъ освободительную грозу, какъ слитную симфونیю вѣтра, грома, молніи, и дождя, послѣ ошеломительнаго явленія которыхъ воздухъ неба освѣженъ, а зеленые покровы земли обогащены новой силой и всѣ живыя существа исполнены умноженной радости жизни, тогда нѣтъ въ сущности ни одного генія, ни одного крупнаго таланта, который по природѣ своей не былъ бы революціоннымъ. Геній, и крупный талантъ, почти всегда, ломаетъ старое и создаетъ новое. Если же, въ силу какихъ-либо частичныхъ условій личности или историческихъ обстоятельствъ, геній выступаетъ защитникомъ стараго, самая выразительность всѣхъ его движеній и проявленій возбуждаетъ вокругъ него такую бурю, что онъ обостряетъ и усиливаетъ возникшую борьбу за новое, и въ этомъ случаѣ не прямо, но косвенно, все равно является революціонной силой.

Четыре наиболѣе крупные Русскіе поэта,-- крупные не только свѣжею первичностью своего творческаго дара, но и силою своей

личности, и первородной удачей минуты, которая была имъ дарована Судьбой, — Ломоносовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, и Некрасовъ, глубоко революціонны. Только революціонность каждаго изъ нихъ сказывается въ особой формѣ, и, чтобъ видѣть ее четко, нуженъ не кротовій глазъ партійнаго человѣка, а вольное зрѣніе человѣка съ свободной душой. Слепецъ, привыкшій къ ограниченному мышленію подпольно-кружковаго образца, искренно убѣжденъ, что маленькій стихотворецъ Якубовичъ есть революціонный поэтъ. Тотъ, кто непредубѣжденно и зорко оцѣниваетъ человѣческую личность и ея судьбы, видитъ, что слово революціонный гораздо болѣе, безъ сравненія больше, приложимо къ Ломоносову. Этотъ сынъ Бѣлаго моря, Холмогорскій мужикъ сумѣвшій добиться всеобнимающей учености, столь же великій въ исторической Русской перспективѣ, какъ великъ былъ въ перспективѣ Итальянской Леонардо да Винчи, и въ Германской Гете, первотворецъ нашей поэзіи, которая до него умѣла лепетать, а съ нимъ начала говорить и пѣть, химикъ, физикъ, геологъ, географъ, предвосхитившій научныя точки зрѣнія на 150 лѣтъ, ученый которому въ лѣтописяхъ славы надлежитъ первое мѣсто тамъ, гдѣ Лавуазье занимаетъ второе, мудрецъ, проникшій въ тайны вещества, не былъ ли онъ революціонеромъ, и не былъ ли онъ на каторгѣ, въ тѣ самыя минуты, когда онъ писалъ оду Елизаветѣ Петровнѣ, и когда онъ шесть лѣтъ преподавалъ химию, не имѣя лабораторіи и когда онъ долженъ былъ тратить свои драгоценныя силы на безславную борьбу съ подлымъ нѣмцемъ Миллеромъ и съ подлымъ нѣмцемъ Шумахеромъ, и когда все, чего онъ достигалъ и чего онъ достигъ, онъ долженъ былъ проводить черезъ бореніе и вражду, всегда опираясь лишь на себя, на силу своего генія, долженствующаго опрокидывать, для того чтобы творить.

Что революціонны были и Пушкинъ и Лермонтовъ, это запечатлѣно уже самою судьбою ихъ, явно мученической. Но къ прискорбію должно признать, что Русскіе люди, даже и сегодняшняго дня, склонны видѣть ихъ революціонность развѣ въ томъ, что Пушкинъ былъ друженъ съ декабристами, и написалъ нѣсколько политическихъ стихотвореній, а Лермонтовъ написалъ строки о палачахъ свободы и генія, стоящихъ у трона, — строки, за которыя

онъ былъ сославъ на Кавказъ. Николай Первый своимъ жандармскимъ умомъ былъ умнѣ Русскаго общества, и видѣлъ ясно, что Пушкинъ революціонеръ и опасенъ всей своей личностью, что каждая пѣсня, которая вырвется изъ горла такого рѣдкостнаго соловья, настолько овѣяна воздухомъ свободы, что соловья этого нужно держать въ клѣткѣ и позволять ему пѣть подъ надзоромъ, хотя бы онъ пѣлъ о розѣ или веснѣ.

Но красовъ, стихи котораго дошли и до народа, стоитъ особнякомъ среди Русскихъ поэтовъ 19-го вѣка. Огромный его талантъ, сопряженный съ особенностями его судьбы, далъ ему возможность создать для себя новую поэтику, вѣ такъ называемаго поэтического. То, что считалось фактически невозможнымъ вводить въ область поэтического изображенія, онъ сдѣлалъ какъ разъ любимымъ, главнымъ элементомъ своего творчества, и, опираясь на эту отдѣльную свою черту, онъ развернулъ такую широкую картину Русской жизни и Русской души, что долженъ считаться по-истинѣ наилучшимъ знаткомъ и изобразителемъ Русскаго народа. Онъ показалъ во-очию то, что увидавъ нельзя уже не желать измѣнить Россію и дать ей новый ликъ.

Отъ высокой души падаютъ свѣтъ, а свѣтъ рождаетъ тысячу отсвѣтовъ, а отсвѣты эти, послуживъ въ мірѣ, воссоединяются въ новомъ единствѣ, ищущемъ выхода, и рождаютъ новую грозу, въ свѣтѣ вихрей, молніи, и грома, и въ алмазно-жемчужныхъ ожерельяхъ дождя.

Когда я вспоминаю свою юношескую любовь къ революціонному лику вообще, и свое пристрастіе къ отдѣльнымъ лицамъ, такимъ, какъ декабристы, и болѣе яркіе—Софія Перовская и Желябовъ, я думаю теперь, что въ предѣлахъ Русской исторіи наиболѣе революціонные лики не Посошковъ, не Радищевъ, не Рылѣевъ, не Перовская, и не Желябовъ. Это все малыя волны, но никто изъ нихъ не девятый валъ. Самые революціонные лики, для меня, полные освободительной красоты, это—княгиня Древней Руси, Ольга, мученица вѣры боярыня Морозова, таинственный царевичъ и царь Димитрій, и могучій исполинъ Петръ. Ольга, на рубежѣ двухъ міросозерцаній, языческаго и христіанскаго, поняла провидчески, что грядущее Славянство принадлежитъ Хри-

стианскому слову, и закрѣпила узелъ вѣковъ. Боярыня Морозова, въ рабскомъ обществѣ Московіи, привыкшемъ холопствовать, среди Московитовъ, настолько созданныхъ для трусливаго рабства, что они и сегодня еще все охаютъ о рабствѣ и насиліи, но не свержаютъ его смѣлой рукой, она, женщина, она, привыкшая къ роскоши и почету, безстрашно отбросила все отъ себя, чѣмъ дорожатъ богатые и бѣдные, и наклѣкала на себя царскій гнѣвъ, и душой своей обняла заточеніе въ земляной тюрьмѣ. Дмитрій, доселѣ еще не разгаданный и не исчерпанный, навсегда шатнулъ преступный царскій тронъ, показавъ, что смѣлый самовѣнчанный человѣкъ, если онъ хочетъ, можетъ быть увѣнчанъ цѣлымъ народомъ. Петръ, возненавидѣвшій своей орлино-огненной душой прокладныхъ лѣнтыевъ Московскаго царства, этихъ трусовъ, умѣющихъ бормотать, но отступающихъ отъ смѣлости дѣянія, дланью гиганта ударилъ такъ по всей Русской землѣ, что отклики этого удара слышны и понинѣ, онъ съ такою творческою безоглядностью принялся за сомнительное животное, которое было не то чахлой клячей, не то заѣвшимися битюгомъ, что возникъ совсѣмъ добрый конь, спорый и огнедышущій, и онъ вздернулъ этого коня на дыбы, и онъ заставилъ его скакать, и онъ заставилъ его проскакать въ краткіе часы такіе пробѣги, что вотъ ни одинъ Европейскій конь не могъ совершить ничего равноцѣннаго въ такую краткость времени, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Европа стала называться Европой.

Революція есть гроза преобразующая. Когда она перестаетъ являть и выявлять преобразование, она становится Сатанинскимъ вихремъ слѣпонаго разрушенія, Дьявольскимъ театромъ, гдѣ всѣ ходятъ въ личинахъ. И тогда правда становится безгласной, или превращается въ ложь. Толпами овладѣваетъ стихійное безуміе, раздражительное сумасшествіе, всѣ слова утрачиваютъ свое содержаніе и свою убѣдительность. Если такая бѣда овладѣетъ народомъ, онъ неизбежно возвращается къ притчѣ о бѣсахъ, вошедшихъ въ стадо свиней.

Я хочу говорить о себѣ, разсказать что-то изъ своей жизни, показать что-то изъ своей души, просто и искренно, — какъ будто я говорю въ кругу самыхъ близкихъ людей, — какъ будто я го-



ворю съ любимымъ другомъ,— какъ будто я говорю съ собственной душой, когда наединѣ съ самимъ собою сердце не боится говорить до конца, любить, негодовать, ненавидѣть, растрогаться, горѣть, быть малымъ, быть большимъ. Малъ я или великъ, этого я не знаю, но я знаю, что, когда вся Страна въ чрезвычайной бѣдѣ, голосъ того, въ чьей жизни было большое счастье и большое несчастье, не прозвучитъ напрасно.

† Кто я? Русскій. Одинъ изъ полутора ста милліоновъ Русскихъ, живущихъ на Земномъ Шарѣ. По крещенію православный христіанинъ, по происхожденію сынъ помѣщика и дворянинъ, по роду занятій писатель, по судьбѣ своей прославленный поэтъ, имя котораго извѣстно не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и дальше, въ Японіи, гдѣ у меня есть вѣрные почитатели и преданные друзья. Полудѣтская моя мечта, приснившаяся мнѣ наяву, когда мнѣ было лѣтъ 13, исполнилась. Но, оглядываясь на свою жизнь, если я чему-нибудь радуюсь особенно глубоко, это не тому, что имя мое стало озареннымъ, и даже не тому, что Судьба даровала мнѣ истинный поэтический даръ, и что мнѣ сладко пѣть, какъ сладко пѣть весенней птицѣ, а тому, что, понявъ 13-и лѣтъ одно слово, я всей душой полюбилъ изслѣдованіе и умственную работу, и съ тѣхъ поръ неустанно работаю, не щадя своихъ силъ, упиваясь работой, какъ упиваются виномъ, и буду работать до конца своихъ дней, зная, что работа приближаетъ меня къ Богу, чья сущность есть созиданіе, и что только въ opravѣ работы Божій даръ становится драгоценнымъ камнемъ. Я глубоко радуюсь также тому, что мой отецъ и моя мать даровали мнѣ счастливое дѣтство, и что всю свою жизнь я встрѣчаю людей, которыхъ я люблю, и которые любятъ меня.

Какое слово оказало на меня въ дѣтствѣ исключительное вліяніе? Я скажу. Однажды, безъ всякаго позволенія, я забрался въ книжный шкафъ моей матери, и въ одной книгѣ прочелъ Англійское слово self-help, въ скобкахъ переводъ — самопомощь. Это причудливое слово, нерусскаго лика, притянуло все мое вниманіе, какъ будто это былъ необычайный звѣрокъ или невиданный талисманъ. Самопомощь. Если что-нибудь нужно тебѣ, если что-нибудь манить, — не прибѣгая къ другимъ — самому помочь себѣ во всемъ. И

въ этомъ мощь, сила. И въ этомъ полная свобода, гордая воля, отъединенность безъ вражды, но и безъ стѣснительнаго сочетанія съ другими людьми, цѣлый садъ, который принадлежитъ тебѣ, цѣлый лѣсъ, въ которомъ весело идти одному, къ неожиданному, къ манящему, къ открытію, къ чуду. О, это благородное Англійское слово стало моимъ дорожнымъ посохомъ, моимъ тайнымъ цвѣткомъ, и мечомъ, и молотомъ. Когда, позднѣй, мнѣ захотѣлось проникнуть въ душу Русскаго народа, мнѣ ничего не нужно было указанія, чтобъ приблизиться къ тѣмъ, къ кому я хотѣлъ стать близко, и чтобъ прочесть столько книгъ, сколько хватить и на нѣсколькихъ человѣкъ. Когда я хотѣлъ прикоснуться къ творчеству чужихъ, и для мысли близкихъ, великихъ историческихъ народовъ, я сумѣлъ овладѣть Нѣмецкимъ и Шведскимъ языкомъ, Французскимъ и Испанскимъ, я побѣдилъ преграду многихъ чужестранныхъ языковъ, и научился полнотою души жить въ разныхъ эпохахъ и съ самыми различными народами.

Но много раньше, чѣмъ пришло ко мнѣ это магическое слово, другія слова, Русскія, напѣвныя, опредѣлили во многомъ движеніе дѣтской мысли. Я родился и выросъ въ деревнѣ и въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ. Деревня Гумница, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Она еще жива, эта деревушка, въ которой всего лишь съ десятокъ крестьянскихъ домовъ и небольшая усадьба. Что въ ней теперь, я не знаю. Я отказался отъ своей доли наслѣдства и давно оттуда уѣхалъ. Но тогда, въ далекихъ даляхъ времени, это было красивымъ малымъ царствомъ уюта и тишины. Мужики были не бѣдны. Отецъ мой, небогатый помѣщикъ, былъ воплощеніемъ душевнаго благородства, и за всю жизнь его я не помню, чтобы онъ хоть разъ на кого-нибудь закричалъ. Онъ былъ безупречнымъ земскимъ дѣятелемъ, и, какъ председатель Шуйской земской управы, основаніемъ сельскихъ школъ много содѣйствовалъ распространенію грамотности среди окрестнаго населенія. Моя мать, исключительная, умная, просвѣщенная женщина, которая была бы замѣтна и въ любой столицѣ, учила и лѣчила мужиковъ и бабъ, и цѣлыя ихъ вереницы безпрестанно тянулись къ сѣрому дому, окруженному садомъ. Если я много въ дѣтствѣ видѣлъ цвѣтовъ и бабочекъ, я видѣлъ также

и лица, исполненные такой выразительности, что они позднѣй, припоминаясь, неотступно стали требовать разрѣшенія вопроса о страдающихъ, и нуждающихся въ томъ, чтобъ имъ помогли.

Мнѣ хочется еще сказать, что, когда мнѣ было лѣтъ пять, мать прочла мнѣ въ саду стихи Никитина, начинающіеся строками —

„Ясно утро. Тихо вѣетъ  
Теплый вѣтерокъ“

— стихи о подкидышѣ, пріемышѣ, гонимой дѣвочкѣ, — и мнѣ навсегда стало знакомо ощущение созвучной боли.

Малая усадьба была мадымъ раемъ, или казалась ребенку такимъ, но въ памяти жившихъ въ ней и около нея были призраки, скорѣе надлежащіе къ Преисподней. Если отецъ мой былъ кроткій и справедливый человекъ, его мать, которой уже не было тогда въ живыхъ, жила въ моемъ дѣтскомъ сознаніи какъ страшный знакъ того безчеловѣчнаго ужаса, который былъ встарину и назывался крѣпостнымъ правомъ. Я зналъ изъ рассказовъ близкихъ, что однажды, разсердившись на своего крѣпостного столяра, который запьянствовалъ, и вообще любилъ испить, она велѣла приковать его къ стулу, и такъ онъ существовалъ цѣлыхъ два года, а потомъ сбѣжалъ и пропалъ. Другой крѣпостной, въ чемъ-то провинившись, былъ по ея желанію внезапно разбуженъ ночью, и ему сказали: „Вставай. Въ городъ тебя повезутъ. Въ солдаты забрѣютъ“. Полусонный парень въ перепугѣ рухнулъ на полъ и забился въ припадкѣ. Съ тѣхъ поръ у него открылась падучая. Эти жуткіе призраки вошли въ полудѣтскую душу, и заставили ее задуматься глубоко, а такіе писатели, какъ Никитинъ, Некрасовъ, Гоголь, Глѣбъ Успенскій, Рѣшетниковъ, Тургеневъ, были первыми водителями отроческихъ и юношескихъ размышленій о Русскомъ народѣ и неправдѣ міра.

Позднѣе, въ гимназическіе дни, приготавлиая кое-какъ постылые уроки, и предаваясь все время чтенію изслѣдованій по исторіи общественныхъ движеній, изучая расколъ и сектанство, артель и общину, основы политической экономіи, я хотѣлъ добиться для самого себя полнаго выясненія правды о людяхъ и разрѣшенія вопроса, какъ сдѣлать такъ, чтобы всѣ были счастливы. Потому

что я былъ счастливъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы всѣмъ было такъ же хорошо. Мнѣ казалось, что, если хорошо лишь мнѣ и немногимъ, это безобразно. Я не хочу, конечно, сказать, что я только объ этомъ думалъ. Я лишь говорю, что такая мысль всегда была мнѣ не чужда. И когда по ночамъ, засидѣвшись надъ завлекательной книгой, я слышалъ, какъ гудятъ на фабрикахъ свистки, и ощущалъ, что я сейчасъ пойду въ долины сна и буду въ мягкой теплой постели, а въ это время сотни и тысячи людей стоятъ за станками въ душныхъ и скучныхъ фабричныхъ зданіяхъ, я не могъ не думать о неправдѣ міра. ✓

Да, міръ стоитъ на неправдѣ. Это слишкомъ очевидно. Тѣ, кто работаетъ надъ землей, имѣютъ скудное количество земли, и послѣдній достатокъ у нихъ еще норовятъ отнять, а тѣ, кто не работаетъ надъ землей, имѣютъ ея сколько угодно или во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ достаточно. Въ этомъ нѣтъ правды, и это должно быть устранимо. И тѣ, которые днемъ и ночью работаютъ въ рудникахъ, на фабрикахъ, и заводахъ, обогащаютъ другихъ, не обогащаясь сами, и не пользуются высокими благами просвѣщенія, умственной жизни, удовольствіями искусства, путешествіями, всѣмъ тѣмъ, что только и дѣлаетъ жизнь привлекательной и человѣка воистину человѣкомъ. Въ этомъ нѣтъ правды, и это должно быть устранено. Всѣ должны пользоваться благами жизни и принакать къ красотѣ міра. Быть можетъ, въ неодинаковой степени, ибо личности людей различны. Но красота міра не должна быть удѣломъ лишь немногихъ, каждому долженъ быть открытъ къ ней путь.

Среди книгъ, которыя я читалъ въ юности, помню, на меня произвела впечатлѣніе книга Бельгійскаго ученаго Лавэла о социализмѣ. Социализмъ показался мнѣ скучнымъ, уродливымъ, онъ показался мнѣ убогою выдумкой, противорѣчащей всѣмъ основнымъ свойствамъ человѣческой души, совершеннымъ нарушеніемъ свободы личности. Но на одной изъ страницъ книги Лавэла былъ краткій очеркъ о Кропоткинѣ и Русскихъ революціонерахъ. Если социализмъ показался мнѣ скучнымъ и противоестественнымъ, Кропоткинъ и другіе Русскіе революціонеры показались мнѣ чрезвычайно привлекательными. Я и теперь такъ думаю. Я на-

хожу, что Кропоткинъ интересенъ, а социализмъ есть убогая выдумка человѣческаго ума, которой быть можетъ суждено на краткій исторической часъ воплотиться въ дѣйствительность, чтобъ человѣчество, всегда въ своей исторической жизни создающее новые ходы и попытки, убѣдившись, что принудительное обобществленіе труда есть наихудшій видъ духовной каторги и наиболѣе полное оскверненіе свободы личности и неприкосновенности отдѣльной души, прониклось наконецъ предѣльнымъ отвращеніемъ къ своему грубому плѣвенію внѣшнимъ веществомъ, и, возжаждавъ духовной основы личнаго и общаго житія, создало такія формы жизни, гдѣ всѣ души были бы обвѣнчаны нѣкоей какъ бы брачною любовью, но каждая душа, пользуясь благами внѣшними, оставалась бы совершенно независимой отъ человѣчества, какъ цѣлаго. Путей къ этому много, и всеобщее разлитіе знанія, золотыхъ чарованій искусства и благоговѣйнаго мышленія есть одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ путей.

Мнѣ хочется кратко упомянуть о нѣсколькихъ маленькихъ событіяхъ моей жизни, которыя для меня были не маленькими, а большими. Въ 1884-мъ году, когда я былъ въ седьмомъ классѣ гимназіи, въ мой родной городъ, Шую, пріѣхалъ нѣкто Д., писатель, привезъ номера революціонныхъ газетъ „Земля и Воля“ и „Народная Воля“, нѣсколько революціонныхъ брошюръ, и на зовъ его собрались въ одномъ домѣ, въ небольшомъ количествѣ, нѣсколько мыслившихъ гимназистовъ и нѣсколько взрослыхъ людей, настроенныхъ революціонно. Д. сообщилъ намъ, что Революція разразится въ Россіи не нынче-завтра, и что для этого лишь нужно покрыть Россію сѣтью революціонныхъ кружковъ. Я помню, какъ одинъ изъ любимыхъ моихъ товарищей, сынъ городского головы, привыкшій устраивать съ товарищами охотничьи походы на утокъ и вальдшнеповъ, сидѣлъ на оловѣ, и, разводя руками, говорилъ, что конечно Россія совершенно готова для Революціи, и нужно только ее организовать, а это совершенно просто. Я молча полагалъ, что все это не просто, а очень сложно, предпріятіе же глупо. Но я сочувствовалъ мысли о распространеніи саморазвитія, согласился вступить въ революціонный кружокъ, и взялся хранить у себя революціонную литературу. Весьма

быстро послѣдовали въ городѣ обыски, но въ тѣ патриархальныя времена жандармскій офицеръ не посмѣлъ сдѣлать обыскъ въ домахъ двухъ главныхъ лицъ города, городского головы и предсѣдателя земской управы. Такимъ образомъ ни я, ни мой товарищъ не попали въ тюрьму, а лишь были исключены изъ гимназій, вмѣстѣ съ еще нѣсколькими. Насъ вскорѣ приняли въ другія гимназій, гдѣ мы оканчивали ученье подѣ надзоромъ. Одинъ же членъ кружка не избѣгъ тюрьмы, и черезъ годъ умеръ въ заключеніи отъ чахотки. Что касается Д., онъ тоже вскорѣ былъ арестованъ, и на допросѣ велъ себя, какъ предатель. Первый вѣстникъ Русской революціи, въ моей жизни, былъ не болѣе какъ жалкій провокаторъ,—слово тогда еще не возникавшее въ Русской рѣчи, а теперь въ революціонной лѣтописи играющее столь почетную роль.

Я поступилъ въ Московскій университетъ, на юридическій факультетъ, но изучалъ не столько юридическія науки, сколько Нѣмецкую поэзію и исторію Великой Французской Революціи. Черезъ годъ, какъ одинъ изъ организаторовъ первыхъ университетскихъ беспорядковъ противъ новаго устава, я былъ посаженъ на нѣсколько дней въ тюрьму и высланъ на родину. Еще за годъ передъ этимъ, ко мнѣ однажды пришелъ рабочій, граверъ, Александръ Бердниковъ, образъ котораго я навсегда сохраняю какъ красивый мученическій ликъ. Онъ искалъ правды и не зналъ, въ какихъ книгахъ ее найти. Начавъ съ Некрасова, я постепенно далъ ему главнѣйшія произведенія Русской и Европейской литературы, потомъ разныя книги по политической экономіи и по исторіи освободительныхъ движеній. Вскорѣ хозяинъ лишилъ его мѣста за то, что онъ смущалъ другихъ рабочихъ. Въ Шуѣ разразилась крупная забастовка. Найдены были воззванія, писанныя рукою Бердникова, онъ былъ схваченъ и заключенъ на три года въ „Кресты“. За два мѣсяца до окончанія срока онъ угасъ отъ чахотки.

Приблизительно въ это время, въ 1888-мъ году, я сблизился во Владимірѣ Губернскомъ съ кружкомъ политическихъ ссыльныхъ, вернувшихся изъ Сибири. Считаю, что Революція въ Россіи невозможна, что освобожденіе придетъ частью черезъ медлен-

ное развитіе отдѣльныхъ личностей и отдѣльныхъ слоевъ народа, частію черезъ истребленіе проклятаго рода самодержавныхъ царей, я предложилъ одному ссыльному, говорившему мнѣ, что у него есть связи съ какою то Народовольческой организаціей, — предложилъ ему себя для свершенія жуткаго подвига, кровавой и благой жертвы. Ничего не вышло, кромѣ разговоровъ. Или никакой организаціи не было, или мой пріятель солгалъ мнѣ, или такая жертва была сочтена ненужной. Съ тѣхъ поръ, и навсегда, я отошелъ отъ какихъ-либо партій. Мнѣ глубоко непріятны всякіе партійные люди, когда они говорятъ какъ партійные. Я думаю, что такъ и должно быть. Поэтъ выше всякихъ партій. Выше или ниже, это тамъ всячески бываетъ, но во всякомъ случаѣ — внѣ. У поэта свои пути, своя судьба, онъ всегда скорѣй комета, чѣмъ планета, если онъ истинный поэтъ, то-есть не только пишетъ стихи, а и переживаетъ ихъ, живетъ поэтически, горитъ и дышетъ поэзіей.

Я весь отдался своимъ изученіямъ. Въ 1890-мъ году я напечаталъ книгу стихотвореній, послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ ни одинъ журналъ не хотѣлъ печатать моихъ стиховъ. Книга была частію незамѣчена, частію встрѣчена враждебно, и въ печати, и среди моихъ близкихъ. Это сочеталось съ тяжелой личной драмой, которая разъединила меня съ моей родной семьей, и показала мнѣ любовь въ демоническомъ лицѣ, даже дьявольскомъ. Съ юношеской прямою и страстностью, я рѣшилъ, что мнѣ нѣтъ мѣста на землѣ. Нѣсколько недѣль я обдумывалъ, какъ убить себя, и 13-го марта, когда выставлено было первое окно въ той гостинницѣ, гдѣ я жилъ, когда ворвались въ комнатную духоту съ волной свѣжаго воздуха первые весенніе звуки, я призналъ въ этомъ тайный знакъ освобожденія, которое зоветъ. Я бросился съ третьяго этажа на камни. О, я благословляю теперь это 13-е марта, — никого не зову сдѣлать такъ, — но въ моей судьбѣ это былъ первый и лучезарный день новой жизни. Смерть не взяла меня, я лишь весь былъ разбитъ и переломанъ. Но бываютъ чудеса. Я пролежалъ въ постели цѣлый годъ, и изъ двухъ волей, которыя всегда живутъ въ человѣческой душѣ, — воля къ тоскѣ и воля къ радости, воля къ недвижности и воля къ дѣй-

ствію, — одну волю я убилъ въ себѣ навсегда. Лишь воля къ радости и къ дѣйствию ведетъ меня и будетъ вести. И увидѣвъ смерть лицомъ къ лицу, я узналъ, что смерти нѣтъ, что человѣкъ безконеченъ въ своихъ путяхъ, и черезъ смерть онъ идетъ лишь къ новому воплощенію, гдѣ опять впервые онъ полюбитъ Солнце и Луну, и узнаетъ радость первой любви.

Погрузиться душою въ восторгъ изученія, это я знаю. Долгими, сложными, трудными путями, сдѣлать такъ, что въ Индіи ты Индусъ, что въ Египтѣ ты Египтянинъ, и Мусульманинъ съ Арабомъ, и жадный Испанецъ въ моряхъ, по которымъ бѣжитъ къ неизвѣстному вольный караванъ, это я знаю. Не признавать никакихъ рамокъ и ограниченій, вѣрить только въ святую своего безконечнаго самоутвержденія въ мірѣ, знать, что каждый день можетъ быть первымъ днемъ міросозданія, не въ этомъ-ли высшее достоинство человѣческой души?

Только въ этомъ. Черезъ любовь и изслѣдованіе къ безконечности завоеванія.

Не потому-ли, что въ стихахъ моихъ запечатлѣлась полная правда, а не только нарядная красота, полный звукъ человѣческой души, жаждущей радости и воли, ихъ такъ любятъ дѣвушки, дѣти, узники и смѣлые люди подвига? Я встрѣчалъ дѣтей, которые приникаютъ ко мнѣ, и я встрѣчалъ борцовъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы и изъ Сибири, которые говорили мнѣ, что тамъ въ тюрьмѣ случайно попавшая имъ въ руки книга моихъ стиховъ была для нихъ раскрытымъ окномъ освобожденія, дверью, съ которой сорванъ замокъ. Я знаю, что благородный герой Каляевъ, въ жуткомъ подвигѣ не утратившій нѣжности души, любилъ мои стихи и считалъ ихъ родными себѣ. Я знаю, что Савинкозъ мои стихи любитъ. Я благословляю такую степень самоотъединенія, которая отъ души бросаетъ мостъ къ душамъ.



1905-й годъ.

### Славянскій языкъ.

Чисть, рѣчисть языкъ Славянскій былъ всегда,  
Чисть, рѣчисть, пѣвучь, какъ звучная вода.  
Чутко-нѣженъ, какъ надъ влагою камышъ,  
Какъ ковыль, когда въ степи ты спишь не спишь.  
Сладко-долго, словно свѣтлыя мечты,  
Въ утро мая, въ часъ, когда цвѣтутъ цвѣты.  
Поцѣлуйно онъ, лелѣйно онъ лукавъ,  
Какъ улыбка двухъ влюбленныхъ въ мигъ забавъ.  
А порой, какъ за горою гулкой громъ,  
Для врага угроза вѣрной мести въ немъ.  
А порой, для тѣхъ, чья жизнь одинъ разбой,  
Онъ какъ Море, что рокочетъ вперевой.  
Онъ какъ Море, онъ какъ буря, какъ пожаръ,  
Разъ проснется, рушить все его ударъ.  
Онъ проснулся, въ рдяномъ гнѣвѣ сны заглясь.  
Кто разгнѣвалъ? Прочь съ дорога! Берегись!

### Руда.

Широки и глубоки  
Рудожелтые пески.  
Въ мѣрѣ, жертвенно, всегда,  
Льется, льется кровь-руда.  
Въ мѣдномъ небѣ свѣта нѣтъ.  
Все же вспыхнетъ молній свѣтъ.  
И желѣзная броня  
Приметь бой, въ грозѣ звеня.

Бой за вольное житье  
Грянул. Сломано копые.  
И кольчуга сожжена.  
А свобода, гдѣ она?

Дверь дубовая крѣпка.  
Кто раскроетъ звѣвъ замка?  
Сжаты челюсти Змѣи,  
Святы звенья чешуи.

И пустынно-широки  
Рудожелтые пески.  
И безмѣрно, какъ вода,  
Льется, льется кровь-руда.

### Вѣстники.

На высотѣ звѣзда космата  
Грозила намъ ужь много лѣтъ.  
И видимъ братъ возсталъ на брата,  
Ни въ чемъ увѣренности нѣтъ.

Лучи косматой кровецвѣтны,  
Они отравны для сердець.  
Всѣ тѣ, что были непримѣтны,  
Теперь возстали наконецъ.

И рыбаки, забросивъ сѣти,  
Нашли, что тамъ дети-уродь.  
Ожесочились даже дѣти,  
Рука ребенка ножъ беретъ.

И рыбаки, забросивъ сѣти,  
Со страхомъ видятъ: Вновь уродь.  
Теперь приливъ десятилѣтій  
Намъ много страховъ принесетъ.



Въ сгущенной мглѣ звѣзда космата  
Зажжетъ безчисленность кометъ.  
Пришла жестокая расплата,  
Дрожите всѣ, въ комъ чести нѣтъ.

### Если хочешь.

Если хочешь смести паутину,  
Такъ смотри и начни съ паука.  
Если хочешь ты вырубить прорубь, исторгни тяжелую льдину,  
Если хочешь ты пѣсню пропѣть, пусть же будетъ та пѣсня звонна.  
Если хочешь, живи. Если въ жизни лишь тюрьмы и стѣны,  
Встань могучей волной, и преграду стремленьемъ разбей.  
Если жь стѣны сильнѣй, разбросайся же кружевомъ пѣны,  
Но живешь, такъ живи, и себя никогда не жалѣй.

### Нашъ Царь.

Нашъ Царь—Мукаденъ, нашъ Царь—Цусима,  
Нашъ Царь—кровоавое пятно,  
Зловонье пороха и дыма,  
Въ которомъ разуму—темно.

Нашъ Царь—убожество слѣпое,  
Тюрьма и кнутъ, подсудъ, разстрѣлъ,  
Царь-висьльнигъ, тѣмъ низкій вдвое,  
Что общалъ, но дать не смѣлъ.

Онъ трусь, онъ чувствуетъ съ запинкой.  
Но будетъ. Часъ расплаты ждетъ.  
Кто началъ царствовать—Ходынкой,  
Тотъ кончитъ вставъ на эшафотъ.

### Царь Ложь.

Народъ подумалъ: Вотъ — заря.  
Пришелъ тоскѣ конецъ.  
Народъ пошелъ — просить Царя.  
Ему въ отвѣтъ — свянецъ.

А, низкій десцотъ! Ты навѣкъ  
Въ крови, въ крови теперь.  
Ты былъ ничтожный человѣкъ,  
Теперь ты грязный звѣрь.

Но кровь рабочаго возшла  
Какъ колосъ передъ нимъ.  
И задрожалъ приспѣшникъ зла  
Предъ колосомъ такимъ.

Онъ красенъ, нѣтъ ему серпа,  
Обломится любой.  
Гудятъ колосья какъ толпа,  
Ростеть колосевъ строй.

И каждый колосъ — острый ножъ,  
И каждый колосъ — взглядъ.  
Нѣтъ, Царь, теперь не подойдешь,  
Нѣтъ, подлый Царь, назадъ.

Ты насъ теперь не проведешь  
Девятымъ января.  
Ты Царь, и значить весь ты ложь,  
И мы сметемъ Царя!

### **Будто бы Романовымъ.**

Ослабѣли Романовы, Давно ихъ  
пора убрать.

*Слова Костромскаго мужика.*

Были у насъ и Цари, и Князья.  
Правили. Правили разнo.  
Ты же, развратныхъ ублюдковъ семья,  
Правишь вполнѣ безобразно.

Даже не правишь. Ты просто Вѣдламя,  
Злой, полоумно-сифсивый.  
Домъ палачей, историческій срамъ,  
Глупый, бездарный, и лживый.

Быль въ оны годы безумный Иванъ,  
Быль онъ чудовищно ликимъ,  
Самоуправствомъ кровавымъ былъ пьянъ,  
Все-жъ былъ онъ грозно-великимъ.

Быль онъ бѣсовской мечтой обуянъ,  
Дьяволамъ былъ онъ игрушка:—  
Этотъ, теперешній, лишь истуканъ,  
Маріонетка, Петрушка.

Быль въ оны годы, совсѣмъ идиотъ,  
Ликомъ уродливый, Павелъ.  
Букла-солдатики—но все-же и тотъ  
Лучшую память оставилъ.

Павла предъ нынѣшнимъ нужно цѣнить,  
Павелъ да будетъ восхваленъ:—  
Онъ не тянулъ свою гнусную нить,  
Быстро былъ созданъ имъ Паленъ.

Этотъ-же мерзостный, съ лисьимъ хвостомъ,  
Съ пастью, приличною волку,  
Къ миру людей закликаеть,—притомъ  
Грабить весь міръ втихомолку.

Грабить, кощунствуетъ, ежится, жетъ,  
Жалко скулить, какъ щенята.  
Вы же, ублюдки, придворный оплотъ,  
Славите добраго брата.

Будеть. Окончилось. Видимъ васъ всѣхъ.  
Вамъ приготовлена плаха.  
Грѣхъ искизителей—смертный есть грѣхъ.  
Ждите-же царствія страха!

### ✓ **Неизбѣжность.**

Убийства, казни, тюрьмы, грабежи,  
Сыскъ, розыскъ, обыскъ, щупальцы людскія,  
Сплетенія безсовѣстѣйшей лжи,  
Слова—одни, и дѣйствія—другія.

Романовы съ холопскою толпой,  
Съ соизволенья всѣхъ, кто сердцемъ низкоъ,  
Ведуть, какъ скоть, рабочихъ на убой,  
Разъ, два, конецъ. Но часъ расплаты близокъ.

Есть точный счетъ въ теченіи всѣхъ дней,  
Движенье въ самой сущности возвратно.  
Бинь въ воздухъ кучу тяжкую камней,  
Тебѣ ихъ тяжесть станетъ вмигъ понятна.

Почувствуешь убогой головой,  
Измыслившей подобныя забавы,  
Что есть порядокъ въ жизни міровой,  
Ты любишь кровь — ты вступишь въ сонъ кровавый.

Изъ крови, что излита, встанетъ кровь,  
Жизнь хочетъ жить, къ казнящимъ — казнь сурова.  
Скорѣе, Жизнь, возмездіе готовь,  
Смерть Смерти, и да будетъ живо Слово!

### ✓ Волчье Время.

Я смотрю въ родникъ старинныхъ нашихъ словъ,  
Тамъ провидѣнье глядится въ глубь вѣковъ.  
Словно въ зеркаль, въ дрожави огней,  
Рѣчь старинная — въ событьяхъ нашихъ дней.

Волчье время — съ ноября до февраля.  
Ты растерзана, родимая земля.  
Волколаки и вампиры по тебѣ  
Ходятъ съ воемъ, нѣтъ и мѣры ихъ гурьбѣ.

Что ни встрѣтится живого — нища имъ,  
Ихъ дорога — трупы, трупы, дымъ, и дымъ.  
Что ни встрѣтится живого — загрызутъ.  
Гдѣ же есть на нихъ управа — правый судъ?

Обогнали, осквернили все кругомъ,  
Цѣлый край—одинъ сплошной кровавый комъ.  
Съ ноября до февраля былъ волчій счетъ,  
Съ февраля до воихъ поръ другой идетъ?

Волчьи души, есть же мѣра наконецъ,  
Слишкомъ много было порвано сердець.  
Слишкомъ много было выпито изъ жилъ  
Крови, крови, кровью мѣръ вамъ послужилъ.

Онъ за службу ту оплатитъ вамъ теперь,  
Въ крайній мигъ и агнецъ можетъ быть какъ звѣрь.  
Въ вѣщій мигъ предѣльно глянувшихъ расплатъ  
Съ вами травы, какъ ножи, заговорять.

Есть для оборотней страшный оборотъ,  
Казнь для тѣхъ, кто перепуталъ всякій счетъ.  
Волче время превратило всѣхъ въ волковъ,  
Волчьи души, зубъ за зубъ, вашъ гробъ готовъ.

### Темнымъ.

Вы меня заставляете вѣдать вражду,  
Быть въ гробу, быть во свѣ, жить въ бреду,  
Быть въ тяжеломъ угарѣ съ закрытостью глазъ,  
И за то прокливаю я васъ.

Отравители, страшень вашъ синій угаръ,  
Но на чары отвѣтность есть чаръ.  
Я вамъ дымное зеркало, мертвой рукой,  
Протяну и убью васъ тоской.

Опрокину въ зеркальность уродство тѣней.  
Ваше страшное станетъ страшнѣй.  
Въ этомъ дымномъ затонѣ есть вѣщая власть,  
Есть возможность безгласно проклясть.

Пусть васъ множество—имя мое Легионъ,  
Онъ идетъ, и горитъ небосклонъ.  
Я здѣсь мертвый лежу, ворожу, ворожу,  
Тайну тайнъ никому не скажу.

### Ликъ Возставшій.

Я пройду черезъ стѣны домовъ—  
Я войду въ сокровенность сердець—  
Я возсталъ изъ священныхъ гробовъ—  
Я возсталъ, чтобы мстить наконецъ—  
Я взлелѣянь кровавостью сновъ—  
Я одинъ мученическій ликъ—  
Я возсталъ изъ несчетныхъ гробовъ—  
Я возникъ—Я гляжу—Я возникъ—  
Я хожу по изгибамъ умовъ—  
Я крещу ихъ багрянымъ огнемъ—  
Я вѣдунъ заклинательныхъ словъ—  
Я убить—Мы убиты—Убьемъ—

### Двѣнадцатый Часъ.

Скоро двѣнадцатый часъ.

Дышутъ морозомъ узоры стекла.

Свѣчи, какъ блески невѣдомыхъ глазъ,

Молча колдуютъ. Сдвигается мгла.

Стынутъ глубинно, и ждуть зеркала.

Скоро двѣнадцатый часъ.

Взглянемъ ли мы безъ испуга на то,

Что наколдуетъ намъ лдяность зеркаль?

Кто за спиной наклоняется? Что?

Прерванный пиръ, и разбитый бокаль.

Что-то мнѣ шепчетъ: „Не то! О, не то!

Жди. И гляди. Есть въ минутахъ—разсказъ.



Нужно разслышать. Постой.  
Ты наклоненъ надъ застывшей водой.  
Зрѣть двѣнадцатый часъ“.

Вотъ проясняется лдяность глубинъ.  
Городъ, воздвигнутый властной мечтой.  
Городъ, съ холодной его нищетой.  
Сильные — вмѣстѣ. Безсильный — одинъ.  
Слабые — вмѣстѣ, но тяжестью лдинъ  
Сильные ихъ придавили, и ледъ  
Волосы подъялъ на нищихъ, куесть  
Крышу надъ черепомъ. Снѣжность сѣдинъ.  
Тѣни свободныя пляшутъ на льду.  
Все замутилось. Постой. Подожду.  
Что это въ небѣ? Вонъ тамъ?

Солнце двойное! Морозный просторъ.  
Въ городѣ, тамъ, по церквамъ, по крестамъ,  
Солнце бросаетъ обманный узоръ.  
Солнце — двойное! Проклятіе намъ!  
Кто-то велѣлъ площадямъ,  
Улицамъ кто-то велѣлъ  
Быть западныя. Какой-то намѣченъ предѣлъ.  
Сонмы голодныхъ, возжаждавшихъ душъ.  
Сонмы измученныхъ тѣлъ.  
Ключья растерзанныхъ. Въ бѣломъ — кровавости лужъ.  
Кто-то, себя убивая, въ другихъ направляетъ прицѣлъ.  
Дѣти въ узорахъ вѣтвей.  
Малыя птицы людскія смѣются подъ рокотомъ пуль.  
Садъ — въ щебетаніи малыхъ дѣтей.  
Точно — горячій іюль.  
Точно — не лдяный январь.  
„Царь!“ прицѣваютъ они, и хохочутъ надъ страшными, „Царь!“  
„Сколько намъ пляшущихъ пуль!“  
„Царь!“ прицѣваютъ, и съ вѣтки на вѣтку летятъ.  
Святочный праздникъ — для всѣхъ.  
Развѣ не смѣхъ?

Вмѣсто листовъ,  
Мозгомъ младенческимъ вѣтки блестятъ.  
Развѣ не смѣхъ?  
Вмѣсто цвѣтовъ,  
Улицы свѣжею кровью горять.  
Сколько утѣхъ! Радость и смѣхъ!  
Святочный праздникъ для всѣхъ.

Пляска! Пстой!  
Больно глазамъ. Ослѣпительный блескъ.  
Что за звенящій разрывчатый трескъ?  
Ледъ разломился подъ жаркой кипящей водой.  
Чу! Наводненіе! Городъ не выдержитъ. Скрѣпа его порва-  
лась.

Зеркало падаетъ. Сколько валовъ!

Сколько поклявшихся глазъ!

Это—двѣнадцатый часъ!

Это—двѣнадцать часовъ!

---

1917-й годъ.

### Слава Крестьянину.

Когда ручей бѣжитъ съ утесовъ,  
Звенить въ стремнинѣ пѣсней онъ.  
Гдѣ утро началъ Ломоносовъ,  
Тамъ полдень Солнцемъ озаренъ.

Созвучья первыхъ Русскихъ пѣсень  
Сложилъ крестьянинъ, а не князь.  
И пусть удѣлъ крестьянскій тѣсенъ,  
Народъ хранить съ Землею связь.

И колосья ржи, и дубъ могучій,  
Чье тѣло входитъ въ корабли,  
И нѣжный садъ, и лѣсъ надъ кручей  
Ростутъ изъ Матери-Земли.

И та страна, гдѣ миллионамъ  
Подруга первая—соха,  
Невѣстой, въ празднествѣ зеленомъ,  
Весной, дождется жениха.

Земля и Воля—эта свадьба,  
И будетъ, это суждено,  
Любой мужицкій дворъ—усадыба,  
Гдѣ мысль—какъ вѣское зерно.

Народный духъ не на-смерть раненъ,  
Придетъ конецъ и мутной мглѣ.  
И звучнымъ голосомъ крестьянинъ  
Воскликнетъ къ Матери-Землѣ.

### Вольный Стихъ.

Какое гордое счастье—знать, что ты нуженъ людямъ,  
Чуять, что можешь пропѣть—стихъ, доходящій въ сердца.  
Сестры. Васъ вижу я, сестры. Огнемъ причащаться будемъ.  
Кубокъ пьянящей свободы, братья, испьемъ до конца.

Силою мыслившихъ смѣло, свершеньемъ солдатъ и рабочихъ,  
Вольными быть намъ велить великая въ мирѣ страна.  
Цѣпи звенѣли вѣками. Цѣпи изношены. Прочь ихъ.  
Чашу пьянящаго счастья, братья, осушимъ до дна.

Смѣлыя сестры, люблю васъ. Въ вѣтрѣ вы птицы живыя.  
Крылья свободы шуршатъ шорохомъ первыхъ дождей.  
Слава тебѣ и величье, благодатная въ странахъ Россія,  
Многовершинное древо, съ перекличкой и гудомъ вѣтвей.

### Христосъ Воскресе.

И въ дикомъ лѣсѣ,  
И въ чистомъ полѣ,  
Душа на волѣ.  
Нѣтъ рабства болѣ.  
Христосъ Воскресе.

Нашъ край родной  
Возсталъ весной.  
Христось Воскресе.

Всѣ грады, веси,  
Всѣ деревушки,  
Въ лѣсахъ опушки,  
Поютъ другъ дружкѣ  
Христось Воскресе.

И въ кликахъ птицъ  
Сады станицъ.  
Христось Воскресе.

Въ густой завѣсѣ  
Изъ мглы и дыма,  
Огнемъ палима,  
Ночь мчится мимо.  
Христось Воскресе.

Въ Россіи всей  
Расцвѣтъ вѣтвей.  
Христось Воскресе.

✓ **Славься, Москва.**

Гдѣ соберется Народное Вѣче?  
Свѣтлой волной,  
Въ радостной встрѣчѣ,  
Въ міръ потекутъ всенародныя рѣчи?  
Колокольъ всѣмъ запоетъ вѣчевой?

Русь собиралась Москвой.

Ею жива.

Славься, Москва.

Силы густыя,

Мечты золотыя

Здѣсь облакались въ слова.

Славься, Москва,

Сердце Россіи.

Славьте Родимую, дѣти родныя.  
Первопрестольная,  
Свѣтлая, вольная,  
Звонъ твой далеко уходитъ въ поля.  
Серѣплена храмами вся златоглавыми,  
Свѣтишь ты отсвѣтомъ краснымъ Кремля,  
Равная Индіи пышными славами,  
Славная всѣмъ, что даруетъ земля.

Сердцемъ Вселенная алымъ живетъ,  
Дружнымъ призывомъ „Впередь!“  
Солнечной силой Москвы  
Русскіе въ битвѣ — какъ львы.  
Славься, Москва.

Къ Вѣчу ты будешь скликать, многогудная,  
Тѣхъ, кѣмъ народная сила жива.  
Чьими цвѣтами сіяетъ трава.  
Каждая узреть хоромина скудная,  
Какъ воплощаются въ дѣло слова.  
Славься, Москва.

### Мечъ.

Часть прошелъ словесныхъ встрѣчъ.  
Въ это грозное мгновенье  
Нужно дѣйственное рвенье,  
Нуженъ мечъ, только мечъ!

Сердцемъ вымолви: „Хочу  
Видѣть Родину не павшей,  
А въ столѣгяхъ возблеставшей“.  
Воля сердца — путь лучу!

Лучъ стремится до луча.  
Испытанье роковое  
Намъ великъ не гнѣться въ боѣ.  
Славьте отблески меча!

Съ другомъ—дружеская рѣчь.

А врагу, въ его объемы,

Только пушечные громы,

Только мечъ, смѣлый мечъ!

### Начистоту.

Люди очень уклончивы и не любятъ прямой постановки вопроса. Но бываютъ обстоятельства, при которыхъ возможны разныя рѣшенія, достаточно многочисленныя,—и бываютъ обстоятельства, при которыхъ возможны только два рѣшенія:—Или одно, или другое,—безъ малѣйшаго колебанія между тѣмъ и другимъ, безъ какихъ-либо смягчающихъ извиненій.

Когда наступаетъ судъ Исторіи, испытаніе Судьбы, тогда выясняется, съ остротою лезвія, одно изъ двухъ:—Или я честный человекъ, или я подлець. Или я вѣрный, или предатель. Или я люблю Родину и защищаю ее, или я низкій измѣнникъ и бросаю оружіе, бросаю и призываю другихъ бросать, прикрываясь разными увертками и приглашая другихъ къ соучастію въ подлости.

Не можетъ быть мягкихъ словъ, когда говоришь о томъ низкомъ преступленіи противъ Родной Матери, которое называется предательствомъ.

Безуменъ и безчестенъ поэтъ, если, потерявъ даръ поэзіи, онъ издѣвается надъ стихомъ.

Безуменъ и безчестенъ плотникъ, если честный свой плотничій топоръ онъ дѣлаетъ орудіемъ грабежа.

Безуменъ и безчестенъ врачъ, если онъ не хочетъ лѣчить больныхъ и поить ихъ ядомъ.

Трижды безуменъ и безчестенъ солдатъ, который, не желая защищать Свободу и Родину, бросаетъ свое оружіе, когда Судьба поставила его лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Много теперь нужно героическихъ дѣяній, чтобы смыть тотъ позоръ, который черною ржавчиной легъ на Русское оружіе, не захотѣвшее защищать Родную Мать. И слава тѣмъ, кто среди многочисленныхъ предателей горѣлъ смѣлостью и въ малыхъ числахъ всталъ противъ сильнаго врага.

Только слившись единою волей, — только явля твердую власть, — только заставив немедля умолкнуть тѣхъ продажныхъ смутьяновъ, которые хотятъ всенародную волю дробить, — только понявъ необходимость единого дѣйствія противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, — мы еще сможемъ избѣгнуть гибели Свободы и гибели Родины.

Труженики жуткаго труда Войны, честные солдаты, не забывшіе воинскую честь и долгъ передъ истерзанной Россіей, слейтесь грозною силой противъ угрозы мрака, защитите Родную Мать, и въ знойномъ вихрѣ военной страды услышите, какъ влечуть миллионы сердець: — „Слава вамъ! Слава вамъ! Слава!“

### Достоинъ Смерти.

Ласточка защищаетъ свое родное гнѣздо, и малая щобетунья нападаетъ на болѣе сильную неуклюжую ворону, гонить ее своимъ проворствомъ, потому что ласточка знаетъ, что ворона ей врагъ.

Если бы ласточка не защищала своего гнѣзда, она была бы достойна смерти.

Каждая птица защищаетъ свое родное гнѣздо. Каждый звѣрь, даже и нехищный, каждое животное, самое смиренное, дѣлается смѣлымъ, если нападаютъ на его дѣтенышей, разоряютъ его гнѣздо.

Если живое существо не защищаетъ свое родное гнѣздо, оно достойно смерти.

Во сколько же разъ болѣе достоинъ смерти человекъ, который не хочетъ защитить родное свое гнѣздо, родныя свои мѣста, предаетъ Родину, предаетъ своей измѣной тѣхъ, кто, вѣрный долгу не измѣняетъ?

Не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ, кто, бросая свой постъ, измѣняя братьямъ - бойцамъ и побратимамъ союзникамъ, безъ боя, позорно отступаетъ, отказываясь защищать Родину, отказываясь повиноваться Верховной Волѣ Народа и ея носителямъ.

Кто не бьется за Родину, тотъ противъ Родины, тотъ съ врагомъ, тотъ врагъ.

Кто открываетъ фронтъ злему пришествію насильника-врага, топчущаго чужія страны, тотъ достоинъ смерти.

Труссы, не захотѣвшіе защищать свой Родной Домъ, да опомнятся, или же да не найдутъ себѣ мѣста въ своемъ Родномъ Домѣ. Иначе своимъ предательствомъ они опозорятъ всю страну, заразятъ своимъ дыханіемъ весь воздухъ Россіи.

Во имя свободной Россіи, во имя святости Родины, во имя Земли и Воли, во имя человеческого достоинства, во имя честной, а не постыдной жизни, бойцы—къ бою, а кто не хочетъ биться за родину, тотъ—достоинъ смерти.

### Или—Или.

Или мы дѣти, или взрослые,—или мы свободные, или рабы. Если мы свободные, мы хотимъ знать полную правду,—если мы взрослые, мы должны ее знать безотложно.

Тотъ, кто удерживаетъ часть свѣдѣній о совершающемся, не предавая ихъ полностью во всеобщее освѣдомленіе, въ то время какъ всѣ затронуты совершающимся, уворовываетъ часть правды, ибо явно, что одна изъ сторонъ, предоставляя лишь себѣ право давать свѣдѣнія, этимъ самымъ не даетъ правдѣ предстать во всей полнотѣ.

То, что касается всей Россіи, должна знать вся Россія, и немедленно. Иначе должно признать, что Россія продолжаетъ пребывать въ томъ рабствѣ, въ которомъ она живетъ уже столѣтія. Измѣнился только ликъ порабощенія, перемѣнились исполнители того постыднаго дѣла, которое называется надѣваніемъ узды на свободное слово, наложеніемъ ярма на волю народа.

Когда выходили въ Романовскіе дни изуродованные нумера газетъ съ бѣлыми полосами, я говорилъ, что каждое бѣлое пятно въ газетѣ есть черное пятно на совѣсти правительства.

Эта мысль не теряетъ убѣдительности по отношенію къ любому правительству, не только Романовскому.

Воля народа—не благоусмотрѣніе той или иной группы, того или иного класса. Я, свободный поэтъ, есть часть воли народа. И какъ свободный писатель я говорю: „Если свобода слова, сво-



бода печати, нарушается въ странѣ хотя на одинъ день, хоть на одинъ часъ, въ этой странѣ нѣтъ свободы слова и нѣтъ свободы печати“.

Совѣсть Россіи сейчасъ не свободна. На ней узда и ярмо.

Если же это не такъ, пусть всё мы знаемъ полную правду о томъ, что касается насъ всёхъ. Если въ этомъ будутъ промедленія, это будетъ означать, что или мы на положеніи дѣтей и рабовъ, или обвинитель боится, что обвиняемый скажетъ обвинителю еще болѣе обвиняющее слово.

Или одно, или другое. Частая совѣсть требуетъ полной рѣчи двухъ голосовъ, тамъ, гдѣ говорили два голоса.

### Народная Воля.

Когда мы говоримъ—народъ, мы не разумѣемъ подъ этимъ словомъ какой-нибудь отдѣльный классъ, какой-нибудь отдѣльный разрядъ общества или народа, мы разумѣемъ весь народъ въ его цѣломъ, какъ говоря—лѣсъ, мы не забываемъ сосну и ель, хотя бы лѣсъ былъ смѣшанный, а не хвойный, и почти сплошь состоялъ изъ березы и осины.

Народная воля есть воля всего народа, а не крестьянъ только и не рабочихъ только. Народная жизнь есть сложное единство, и, говоря о народной волѣ съ благимъ разумніемъ, а не съ желаніемъ партійной подмѣны понятій, мы никакъ не можемъ не видѣть, что нерѣдко тѣ разряды людей, которые стоятъ довольно далеко отъ такъ называемаго народа, отъ такъ называемыхъ рабочихъ, думаютъ и поступаютъ гораздо соотвѣтственнѣе съ благомъ народнымъ, чѣмъ самъ этотъ народъ. И отдѣльные люди, которые, силой ума, таланта, гевія, труда, и самопожертвованія, являютъ дѣйственное начало жизни, гораздо болѣе воплощаютъ въ себѣ истинную народную волю, чѣмъ многотысячная народная толпа, забывшая о задачахъ великаго народа и руководящаяся личнымъ животнымъ страхомъ и личными выгодами классовыхъ интересовъ.

Когда мы говоримъ, что Ломоносовъ—отецъ литературы Русскаго народа, и Пушкинъ—краса и гордость Русскаго народа, мы

совсѣмъ забываемъ въ эту минуту, что Ломоносовъ былъ крестьяниномъ, а Пушкинъ—дворяниномъ. Они дѣлали общее народное дѣло съ такой силой, съ такой искренностью, съ такимъ талантомъ и самозабвеніемъ, что оба одинаково дороги каждому Русскому, кто ихъ знаетъ, и, пожалуй, Пушкинъ, — кстати, чрезвычайно гордившійся и даже кичившійся своимъ дворянствомъ, — много больше повялъ душу Русскаго народа, чѣмъ Ломоносовъ, и стихи Пушкина, живая пѣснь Русской народной, всенародной души, ближе и милѣе крестьянскому мальчику въ школѣ, чѣмъ стихи Ломоносова или хотя бы Кольцова.

Или же это не такъ? Вѣдь это такъ, востину, вѣдь это точная правда.

И Кольцовъ, и Никитинъ, и Суриковъ вышли изъ простого народа, но они не сдѣлались великими поэтами Русскаго народа, ни одинъ изъ нихъ не сталъ глашатаемъ Русскаго народа, какимъ сталъ несравненный единственный Некрасовъ, опять-таки дворянинъ, а не крестьянинъ и не мѣщанинъ, — другой примѣръ того, что нѣтъ крестьянъ и дворянъ, нѣтъ преимуществъ и ограниченій тамъ, гдѣ дѣлается великое дѣло творчества, и кажущійся близкимъ можетъ быть далеко, и кажущійся далекимъ можетъ быть близокъ.

Зачѣмъ же до сихъ поръ мы не хотимъ понять столь очевидной лучезарной истины? Зачѣмъ въ сумасшедшемъ ослѣвленіи Русскіе люди строить вражьи перегородки между собой?

Вѣдь всѣ повягтя перевернулись вверхъ дномъ за эти послѣдніе полгода. Не въ благомъ смыслѣ, не въ смыслѣ освѣжающей и опрокидывающей Революціи, а въ смыслѣ простого безчинства и окончательной глупости, соединенной съ предательствомъ. Мы говоримъ — власть, но у насъ нѣтъ власти, ибо гдѣ двоевластіе, тамъ не властенъ ни одинъ, ни другой. Мы всѣ говоримъ и знаемъ это, но вотъ снова и снова двухголовый Сямскій близнецъ верховодитъ. А вы помните, какъ кончилась исторія двухъ Сямскихъ близнецовъ? Одинъ изъ нихъ былъ крогокъ и трезвъ, другой былъ бранчливъ и любилъ пьянствовать. Эгого другой, наконецъ, допьянствовался до того, что у него сдѣлался злокачественный нарывъ, и оба померли отъ зараженія крови. Какъ бы и съ нашими

Сіамскими близнецами этого не случилось, если опытный хирургъ во-время не раздѣлитъ ихъ. И уже очень малыхъ размѣровъ стало это во-время.

Мы говоримъ — завоеванія Революціи. Можно радоваться, и я безмѣрно радуюсь, что Революція смела царизмъ. Но милліоны лѣнивыхъ, недобросовѣстныхъ, и грубыхъ царьковъ, которые самодурствуютъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ, во всѣхъ сферахъ Русской жизни, это надѣюсь, нельзя назвать завоеваніемъ Революціи. И къ числу благодѣяній Революціи нельзя отнести, конечно, ни развращеніе нашего войска, ни ежедневную низость самосуда, ни предательство и дезертирство, ни разгромъ нашей промышленности, ни полный развалъ народнаго хозяйства, ни безстыдную корысть отдѣльных разрядовъ населенія, требующихъ себѣ все новыхъ и новыхъ приплатъ, ни надменную наглость въ обращеніи человѣка съ человѣкомъ, ни беззащитное разгильдяйство и лѣнтяйничанье, ни лживость, которая овладѣла всѣми. Да, лживость и бессовѣтность. Русскіе люди столько наговорили словъ за эти полгода, что они давно говорятъ слова, въ которыя не вѣрятъ.

Революція хороша, когда она сбрасываетъ гнетъ. Но не революціями, а эволюціей живъ міръ. Стройность порядка — вотъ что нужно намъ, какъ дыханіе, какъ пища. Внутренняя и внѣшняя дисциплина, и сознаніе, что единственное понятіе, которое нужно сейчасъ защищать всѣми силами, это — понятіе Родины, которое выше всѣхъ личностей и всякихъ классовъ и всякихъ отдѣльных задачъ, — понятіе настолько высокое и всеобъемлющее, что въ немъ тонетъ все, и нѣтъ разнствующихъ въ немъ, а только сочувствующіе и слитно работающіе — купецъ и крестьянинъ, рабочій и поэтъ, солдатъ и генераль.

Революція есть гроза. Гроза кончается быстро и освѣжаетъ воздухъ, и ярче тогда жизнь, красивѣе цвѣтутъ цвѣты. Но жизни нѣтъ тамъ, гдѣ грозы происходятъ непрерывно. А кто умышленно хочетъ дуть грозу, тотъ явный врагъ строительства и благой жизни. И выраженіе — защищать Революцію, долженъ сказать, мнѣ кажется бессмысленнымъ и жалкимъ. Настоящая гроза не нуждается въ защитѣ и подпоркахъ. Уже какая жъ это гроза, если ее, какъ старушку, нужно закутывать въ ватное одѣяло.

Въ великой странѣ должно быть правительство народной воли, правительство сильныхъ личностей, опирающихся на свой талантъ, на свою волю и на такое пониманіе всенародности, въ которомъ нѣтъ мѣста злобному ляганью жадныхъ челюстей и разжиганію ненависти класса противъ класса. Не правительство благоусмотрѣнія полюбимъ мы и будемъ посильно поддерживать или посильно разрушать, а правительство твердой власти, стройнаго порядка, людей истиннаго дѣла, людей таланта, и притомъ людей, которые, обвиняя кого-либо, не утаиваютъ отъ всеобщаго свѣдѣнія обвиняющихъ словъ другой стороны.

### Къ Родному Народу.

Когда напоишь его кровью и ложью,

Онъ низкій и алчный расцутный драконъ.

Но свѣтитъ онъ бѣлой пшеницей и рожью,

И любить онъ подвигъ и радостный звонъ,

Когда благовѣстемъ въ душѣ озаренъ.

Дружину обманешь, и воинство—стадо,

И полая плещеть и злится вода.

Есть звѣрь въ человѣкѣ, и звѣря не надо

Ни въ высшихъ, ни въ низшихъ будить никогда.

А смѣлая воля беретъ города.

Кто вѣдалъ всѣ жертвы, являя геройство,

Не можетъ же быть онъ въ основѣ дурнымъ.

Въ душѣ человѣка есть жуткое свойство

Быть свѣтлымъ какъ пламя—и ѣдимъ какъ дымъ,

Пойдешь-ли ты вѣрно, иль будешь слѣпымъ.

Опомнись, опомнись, великая сила,

Послѣдній насталь испытанія годъ.

Хоти, чтобы воли къ побѣдѣ хватило,

И миръ благочестивый—онъ близко, онъ вотъ.

Скѣпись за Россію о, Русскій народъ!

### Три мѣры.

Три мѣры, три чары, три долготерпѣнія. Врядъ ли въ чело-  
вѣческой душѣ есть больше. Можно и въ важномъ дѣлѣ свести  
одну ошибку, можно примириться и со второй, нельзя не видѣть  
при совершеніи третьей, что ихъ случатся еще несчетное количе-  
ство, если продолжайшь довѣряться ошибающемуся.

Можно простить одинъ низкій поступокъ, усматривая смягчающія  
вину случайности, можно простить и повтореніе его, ибо трудно  
не впасть въ прежній грѣхъ, но, когда одно и то же низкое  
преступленіе совершается однимъ и тѣмъ же въ третій разъ, явно,  
что здѣсь система, и противъ такой предосудительной системы  
нужно и должно примѣнять грозную систематику.

Долго ли Исторія прощаетъ великому народу, упорствуящему  
въ своихъ заблужденіяхъ и въ своей некрасивой слѣпотѣ? Долго,  
очень долго, порою даже какъ будто и слишкомъ долго, но скоро  
приходить кара, какъ бы долго ни длилось это долготерпѣніе  
Исторіи. Каждый, самый долгій, срокъ легко распадается на  
три основные момента, на три роковые срока, и оттого, что  
между первымъ и вторымъ срокомъ проходила тягучая длитель-  
ность, упорствующіе обычно не видятъ, что вторая тягучая  
длительность есть быстро уменьшающаяся мѣра между вторымъ  
срокомъ и третьимъ, между вторымъ рубежомъ и послѣднимъ.

Первая страшная ошибка была, когда первую Пасхальную радость  
всеобщаго освобожденія лишили свойствъ всенародности и пре-  
вратили въ частичную распрю сословій и отдѣльныхъ кучекъ,  
извратили праздникъ свободы, лишивъ его чувства любви и зажегши  
ненависть, — какъ будто не вся великая страна свергала иго, — какъ  
будто не все сословія хотѣли свободы, — какъ будто были какія-то  
поддающіяся точному историческому учету числа, указующія, кто  
больше, кто меньше далъ движенія великой лавинѣ, какъ будто  
можно летящій вѣтеръ схватить и превратить въ ариметику, гдѣ  
все числа дерутся другъ съ другомъ.

И вмѣсто того, чтобы внутри была любовь, а ненависть на-  
правлялась остріемъ лишь во-внѣ, къ несомнѣнному врагу, иду-  
щему съ насиліемъ, внутри поселили злую вражду, а насилію,

идушему извнѣ, отъ несомнѣннаго врага, дали рости и крѣпнуть и приходить во внутрь нашего дома подъ личиной.

Вторая страшная ошибка была въ томъ, что ту святыню, которая называется воинскою честью, воинскою дисциплиной, воинскимъ долгомъ, искусили, затмили, развратили, затоптали. И солдатъ, которые были людьми темными, наполнили ложью и злобой, не давъ имъ никакого благого духовнаго хлѣба, и офицеровъ, которые продолжали стоять на правильной точкѣ зрѣнія, продолжали опираться на чувство чести и хотѣли защищать родину, разъединили съ солдатами и оклеветали. И войско превратилось въ стадо. И позоръ всей страны сталъ безграничнымъ. И понятіе—солдатъ утратило всякій смыслъ, какую-либо красоту и достоинство.

Третья страшная ошибка была въ томъ, что власть не чувствовала себя властью и не поступала какъ власть. Въ этомъ была ложь, въ этомъ было двуличіе, въ этомъ была собственная неувѣренность, что власть дѣйствительно есть власть. Не убѣжденная въ себя, эта кажущаяся власть уговаривала тамъ, гдѣ нужно приказывать, медлила тамъ, гдѣ нужно неотложно дѣйствовать, дозволяла злему предпринимать и осуществлять злое и злѣйшее. Одинъ изъ величайшихъ гениевъ на землѣ, и самый великій среди художниковъ, думавшихъ о новомъ ликѣ человѣка, Леонардо да Винчи, сказалъ: „Кто не наказываетъ зло, тотъ приказываетъ его дѣлать“. Такъ вотъ, власть, вмѣсто того, чтобы сильной властной рукой схватить поджигателей и потушить пожаръ, любезно соизволяла опутывать ложью и предательствомъ всѣхъ малоумныхъ и темныхъ, власть, не наказывая зло, приказывала дѣлать злое.

Я думаю, что три мѣры исполнились, и что бѣшеный вихрь кары совсѣмъ близокъ. Но такъ какъ вѣтеръ схватить нельзя, и не заключишь его въ таблицу умноженія, никто не предскажетъ, въ какомъ ликѣ предстанетъ буря.

Я думаю также, что роковое свойство числа 3 нигдѣ такъ хорошо не рассказано, какъ въ одномъ преданіи древней Эллады. Когда юный Діонисъ бродилъ, онъ нашелъ замысловатый побѣгъ. Травинка ему полюбилась. Онъ взялъ эту вѣточку и понесъ домой. Но, чтобъ она не завяла и не замерзла, онъ спряталъ ее въ птичью кость. Шель, шель, и видитъ львиную кость. Онъ бросилъ

птичью кость и переложил побѣгъ въ львиную кость. Уже совѣтъ подходилъ къ родному саду, но увидалъ ослиную кость, и переложилъ туда замысловатую вѣтку. Этотъ побѣгъ, посаженный въ волшебномъ саду, сталъ виноградной лозой. Вотъ почему человѣческой духъ послѣ первой чары вива полетѣлъ, какъ птица, послѣ второй—яроствѣ, какъ левъ, послѣ третьей—глупъ, какъ осель.

И извѣстно, что, если осель уперся на одномъ и томъ же мѣстѣ, и не хочетъ сдвинуться, возникаетъ взмахъ палки, и упрямое животное должно идти дальше.

### А теперь.

Ты любилъ глядѣться въ Небо голубое.

Въ зеркалѣ лазурномъ утопая взглядомъ,

Ты видалъ тамъ Бога. Въ часъ труда, и въ боѣ,

Ты себя тамъ видѣлъ съ свѣтлымъ Богомъ рядомъ.

Не принять умѣлъ ты роковыя цѣпи,

Смѣло разбивалъ ихъ, съ злою силой спора.

Уходилъ далеко, за лѣса, за степи,

Доходилъ въ стремленьи до живого Моря.

А теперь? Куда же вѣковая сила

Вся въ конецъ изсякла, мелководьемъ стала?

Не заплещетъ звонко молотъ у горнила,

Пламя разучилось тѣать свѣтло и ало.

И когда подходитъ часъ грозы и битвы,

И когда на отдыхъ часъ зоветъ къ уладамъ,

Нѣтъ порыва въ сердцѣ, нѣтъ въ душѣ молитвы,

И не Богъ съ остывшимъ, Кто-то Темный рядомъ.

### Маятникъ.

Я не сплю, и размѣренный маятникъ, въ мракъ,

Звуковой посылаетъ маѣ знакъ.

И поеть, заключая мгновенія въ счетъ,  
Что минутное все протечеть.  
Проникая качаньемъ пригнхшую тьму,  
Онъ сознанью твердить моему:—  
„Ты ошибся во всемъ. Твой родимый народъ,  
Онъ не тотъ, что мечталъ ты, — не тотъ“.  
И въ глубокомъ сознаньи я долженъ молчать,  
Въ этомъ говорѣ — судъ и печать.  
Не одни только сказки и пѣсни и медь,  
Сердце полную правду возьметъ.  
Не принять обвиняющей голосъ нельзя,  
Черезъ совѣсть проходить стезя.  
И правдивую мысль та тропинка пошлетъ  
Черезъ пламя и бурю и ледъ.  
Я любилъ на зарѣ, я томился весной,  
Привчаился я пѣсни родной.  
Какъ случилось, что тотъ, кто такъ звонко поеть,  
Такъ безчестно свой край предаеть?  
Я отъ дѣтства любилъ безразсудный размахъ  
Тѣхъ, чье сердце отбросило страхъ.  
Какъ же отданъ врагу укрѣвленный оплотъ,  
И трусливый лукавить и лжетъ?  
Безконечная ширь. Къ полосѣ полоса,  
Протянулись поля и лѣса.  
Но окликни всю Русь. Кличь всю ночь напролетъ,  
И на помощь никто не придетъ.  
Тамъ надъ ямою волчьей очерился волкъ,  
Человѣкъ въ человѣкѣ умолкъ.  
И пѣтухъ скоро въ третій ужъ разъ пропоеть: —  
„Твой родной, онъ не тотъ, — онъ не тотъ“.

### Вращенье Колеса.

Въ началѣ мая, въ этомъ году судьба забросила меня въ столицу юга, Харьковъ. Этотъ городъ, какъ и другіе Русскіе города, многократно повторяетъ слова о завоеваніяхъ Революціи и о свободѣ.



Свойство колеса—вращаться. Но также свойство колеса—приводить что-нибудь въ движеніе. Бываетъ колесо, которое вмѣстѣ съ другими колесами катить телѣгу, и сотни трудовыхъ телѣгъ, и миллионы мчащихся повозокъ, или, соединенное съ сложной разумной сѣтью двигателей, осуществляетъ творческую дѣятельность высоко-полезнаго завода. Бываетъ также колесо, которое вертится и ничего не движетъ, и никуда не подвигаетъ. Такимъ колесомъ играютъ дѣти, случайная рука,—порой даже нога проходящаго животнаго.

Мнѣ всегда члится вращеніе празднаго колеса, когда представители такъ называемой революціонной демократіи безъ конца говорятъ о завоеваніяхъ Революціи.

Къ каковому разряду завоеваній надо отнести слѣдующій случай?

10-го мая я написалъ очеркъ „Солнечная Угроза“. Редакція большой Харьковской газеты отнеслась чрезвычайно сочувственно къ нему, но редакція боялась раздражать мѣстныхъ демократическихъ организаціи. Послѣ долгихъ ожиданій, увижу ли я свой очеркъ напечатаннымъ, и когда это будетъ, я получилъ, наконецъ, 10-го сентября, обратно свою рукопись, причемъ краснымъ карандашомъ были зачеркнуты особенно вредныя мѣста. Да узнаютъ любопытствующіе, чтѣ бываетъ раздражительнымъ для мнимо-революціонныхъ революціонеровъ, и что было невозможно напечатать въ гордящемся завоеваніями Революціи большомъ городѣ, въ столицѣ Юга. Зачеркнутыя мѣста я печатаю курсивомъ.

### Солнечная Угроза.

Уважь! Сейчасъ о чемъ-то грезить  
овъ такомъ,  
Что вѣрно, вѣрно вся его душа—  
Какъ Солнце.

*Словацкій.*

Только Солнце властно пронизать туманъ остриемъ своихъ лучей и разогнать ихъ цѣпкіе хлопья, не дать имъ опять и опять

сгуститься въ мертвящую целену, лучистыми стрѣлами порвать ихъ саванъ. Только Солнце. Потому что всѣ лучи его, идя въ разныя стороны, исходятъ изъ одного средоточія, и въ кажущейся отдѣльности дѣлаютъ одно и то же дѣло.

А если бы каждый лучъ захотѣлъ и смогъ оторваться отъ общаго горнила, отъ единого жгучаго жерла, отдѣльные лучи оторвались бы лишь затѣмъ, чтобы сверкнуть на мгновенье самовольной горящей змѣей—и сгорѣть до тла, внѣ творческаго праздника, внѣ широкихъ торжествъ солнечнаго строительства жизни. И оторвавшіеся лучи лишь ослабили бы Солнце. Можетъ быть, оно стало бы тогда холоднымъ и свинцовымъ. Оно стало бы средни туманамъ, ткущимъ сѣрые сумерки и ночь.

Чего же хотимъ мы, все больше и больше распадаясь на отдѣльные лучи? Своего маленькаго отдѣльнаго тщеславнаго существованія?

Намъ опять захотѣлось ночи и савановъ?

А если вѣтъ, зачѣмъ же мы забываемъ солнечный влечь, который гласитъ: „Въ единеніи сила“?

Да будетъ одна воля въ Великой Странѣ. Кто противъ этой воли, тотъ безумный или преступникъ, тотъ слѣпецъ или предатель.

Вѣрность своему слову—первое достоинство человѣка. Кровный союзъ побратимства—золотое звено сердца къ сердцу. Кто растопчетъ его, тотъ проклятъ. Черезъ измѣну своему слову и общему дѣлу—путь въ трясины.

Да не забудемъ же сестру нашу Сербію, въ чьемъ домѣ сейчасъ насильники. Насилье низвергнемъ.

Да вспомнимъ сестеръ нашихъ, Литву и Польшу. Онѣ въ цѣпяхъ. Разорвемъ цѣпи.

И разграблена смѣлая Бельгія за то, что въ свой часъ, малая разбѣрами, великая мужествомъ, она отвела отъ великихъ сестеръ грозный ударъ и дала намъ всѣмъ возможность приготовиться.

А мы ее теперь бросимъ?

И свободная Франція, страна героевъ, и свободолюбивая Англія, страна упорныхъ работниковъ жизни,—не онѣ ли въ первый часъ нашего освобожденія сказали: „Признаемъ его. Радуемся. Поддержимъ“. И поддержали.

Мы ихъ покинемъ теперь на полѣ брани съ общимъ врагомъ, и это будетъ—честно?

*Мы Славяне. Да бидетъ же съ нами слава.* Первая слава человека—вѣрность слову, заступничество за брата, помощь другу, безстрашіе передъ врагомъ.

*Врагъ во-внѣ есть врагъ внутри. Прогонимъ прочь отъ нашихъ предѣловъ того, чей высшій разумъ—Кашновъ дымъ, того, кто топчетъ слово, безчеститъ женщину, истязаетъ пллиныхъ, творитъ шбель во имя шбели, надменно видитъ лишь себя, и все время лжетъ, лжетъ, съетъ жи.*

Лишь черезъ нашу побѣду—укрѣпленіе свободы, война войнѣ, скорый и прочный миръ.

Не довершивъ одного, не совершишь другого. Довершимъ достойно войну, и мы будемъ тогда въ строительствѣ мира самымъ великимъ народомъ.

*Мы Славяне. Да не будемъ же ославлены.*

Сомкнемся всѣ какъ казачій кругъ. Такой кругъ разомкнетъ огненное окруженіе вражеской напасти.

Въ казачьемъ кругѣ всѣ равны другъ другу и всѣ слушаются своего вожда. Единая воля всѣхъ, воплощенная въ волѣ избранника умовъ, свершаетъ чудеса.

Будемъ какъ дружные лучи единого Солнца.

А если нѣтъ, золото Солнца станетъ свинцомъ. И свинцовыя пули будутъ носиться въ воздухъ. Пули врага—въ наше сердце. И пули наши—въ наше сердце.

Эти слова, которыя не могли, при всей своей простой убѣдительности, появиться въ печати, до ель все еще скованной и несвободной, сохраняютъ свою прежнюю убѣдительность. Золото Солнца давно для насъ стало свинцомъ. Россія вся, охвачена том судорожной рознью внутреннихъ силъ, которая захватываетъ человека, когда имъ овладѣваетъ буйное помѣшательство или припадокъ Виттовой пляски.

Древніе Скандинавы, говоря о Солнцѣ, называли его: „Солнце—свѣтлое колесо, Солнце—колесо красивое“. Но наше Русское

колесо—не такое. Мы въ однообразномъ движеніи празднаго колеса, не соединеннаго ни съ какойъ вѣдательной дѣятельностью.

Есть однако несомнѣнное, намъ угрожающее, слѣдствіе безконечныхъ [взмаховъ празднаго колеса. Это вращеніе доидеть въ своей повторности до какого-то наибольшаго числового прѣдела, и свинцовыя пули будутъ снова носиться въ воздухѣ.

Пули врага—въ наше сердце. И пули наши—въ наше сердце.

### Снящійся Цвѣтокъ.

Я родился въ цвѣтущемъ затишьи деревни,  
Надъ ребенкомъ звѣздилась лазурно сирень,  
на опушкѣ лѣсной, свѣтло-юной и древней,  
И распцѣль и отцвѣль мой младенческой день.

Не отцвѣль, —лишь, свѣтясь, перешель въ перемѣну,  
За цвѣтами цвѣты, къ лепестку лепестокъ,  
Опьяняющій лавлышъ влюбляетъ вервену,  
Васильки словно пѣснь изъ лазоревыхъ строевъ.

На прудахъ распцѣтали, бѣлѣя, купавы,  
Въ ихъ прохладныя чаши запрятался сонъ,  
И качали мечту шедестящія травы,  
Быль распцѣтомъ мой полдень сполна обрамленъ.

Я позднѣе ушелъ въ отдаленныя страны,  
Гдѣ какъ сталь подъ Луной холодѣть магей,  
И цвѣтеть булава, есть цвѣты какъ тимпаны,  
Какъ змѣиныя пасти —ряды орхидей.

Я узналъ, что цвѣты не всегда благочестны,  
Что въ растеняхъ убіис венный помысль глубока.  
Но въ Змѣиныхъ Краяхъ мнѣ не цвѣль, неизвѣстный,  
Мнѣ приснаившійся, снящійся, жуткій цвѣтокъ.

Лепестковый кошмаръ, лепестками обильный.  
Окровавленной чашей раскрылся во снѣ,  
А кругомъ былъ просторъ, неоглядный и пыльный,  
И чудовищный ревъ былъ подобенъ волнѣ.

На несчетности душъ выдыхаетъ онъ чары,  
Захмѣлѣвшій, тяжелый, разъятый цѣтокъ.  
Чуть дохнетъ, мѣднокрасные брызнуть пожары,  
И пролитая кровь—многодымный потокъ.

Эта сонная быль, чаща, полная гуда,  
Смотрить тысячью глазъ и стоитъ предо мной.  
Изъ садовъ Сатаны къ намъ воспозшее чудо,  
И какъ медъ тамъ внутри—заразительный гной.

### Измѣна.

Не стоць бурана,  
Не мѣдъ въ разгудѣ,  
Не хлопья снѣга  
Не бравный рогъ, —  
Но токъ отъ стана,  
Гдѣ сонмъ орудій,  
Но топоть бѣга  
Ста тысячъ ногъ.

Не вѣтеръ горный  
Въ ущельяхъ темныхъ,  
Не сильный ворогъ  
На горсть бойцовъ,  
Но бѣгъ позорный  
Тѣхъ вѣроломныхъ,  
Кому не дорогъ  
Завѣтъ отцовъ.

Отъ вихря злого  
Такъ гнется тополь,  
Срубивъ, осину  
Такъ гнутъ въ кольцо,—  
Одно лишь слово,  
Лишь звукъ—Тарнополь,  
Кинжалъ намъ въ спину,  
Ударъ въ лицо.

И это — братья.  
И къ нимъ — быть близкимъ.  
Имъ даже плѣна  
Желаненъ гнетъ.  
Навѣкъ проклятье  
Тѣмъ подло-низкимъ,  
Кому измѣна  
Какъ пьяный медь.

### Россійская Держава.

Россійская Держава,  
Гдѣ все твое величье?  
Корабль твой старый „Слава“  
Разбить и утонуть.  
Твоя войска безсилны,  
Умы и души пыльны.  
Ты въ топяхъ безразличья,  
Твой блескъ — далекий гуль.

Россійская Держава,  
Была ты первой въ мирѣ,  
Страдая величаво  
Въ своихъ стѣсненныхъ дняхъ.  
Но вотъ разъялись хляби,  
И ликъ взяла ты рабій.  
Упившись въ дикомъ пирѣ,  
Проснешься вновь — въ дѣпяхъ.

Россійская Держава,  
Твой краткій сонъ — свобода.  
Но кто желаетъ права,  
Тотъ долженъ помнить долгъ.  
А дикость своеволья  
Лишь малый мигъ раздолья.  
Нѣтъ правды у народа.  
И голосъ воли смолкъ.

## Свобода Слова.

Свобода слова — свѣтъ ума живого.  
Кто гасить лучъ, взлѣдетъ драконить:—  
Разливный взрывъ, разбѣгъ огня густого,  
Который темныхъ истребить.  
Свобода слова — грань всего земного,  
Лишь въ вольномъ словѣ — храмъ изъ свѣтлыхъ плитъ.  
Кто посягнетъ хоть разъ на вольность слова,  
Тотъ въ жизни — самъ собой — убитъ.  
Свобода слова будетъ вновь и снова  
На мигъ въ цѣпяхъ. Но вѣренъ путь орбитъ.  
И скоро пламень Солнца золотого  
Вампировъ ночи ослѣпитъ.

## Неизбѣжность.

Призракъ Емельяна Пугачова  
Раздвоенъ. Не только онъ злодѣень.  
Въ дни его — въ оковахъ было слово,  
И позоромъ рабства крѣпостного  
Быль колючій цвѣтъ волчцовъ взлѣтъянь.  
И его свирѣпыя погромы  
Лишь отчасти были преступленье.  
Были также мзны въ нихъ изломы.  
Было справедливое въ нихъ мщенье.  
А теперь? Кровавый призракъ, кто ты?  
Ликъ звѣринный, топъ низинъ, откуда  
Рвутся сатанинскія темноты.  
Жалко перепутаны всѣ счеты,  
Судить воръ, въ усладѣ самосуда.  
Каждый, кто безъ чести, тотъ Емелька,  
Грабить, рѣжетъ, жжетъ, и рветъ на части.  
Въяч толпа, въ ней каждый пьянь, какъ стелька,  
Оборогни, когти, зубы, пасти.

Но вѣдь мы сокровище свободы  
Въ царствѣ рабскомъ мыслью сохранили.  
Въ тюрьмы уходили мы на годы,  
Проходили чуждые народы,  
Но склоняя совѣсть къ грубой силѣ.  
Человѣку мы слагали пѣсни.  
Если жь онъ на насъ метнулся звѣремъ,—  
Человѣкъ, въ звѣриности воскресни,  
Или звѣря мы свинцомъ измѣримъ.

### Кровь и Огонь.

И покажу чудеса на небѣ вверху,  
и знаменія на землѣ внизу...  
Дѣянія Апостоловъ, гл. 2; 19.

Кровь и огонь и куреніе дыма  
Вамъ предвѣщали святые апостолы.  
Вы оставались тупыми и черствыми,  
Всѣ предвѣщанья вмѣняя лишь въ дымъ.  
Чаша блаженства мелькнула—и мимо,  
Ваша гортань отъ поджога палима.  
Предали въ трудной бѣдѣ побратима.  
Предали мать. Налъ завѣтомъ сѣдымъ  
Пляшете. Въ дикіе бьете тимпаны.  
Бубните въ бубны. Вы сыты и пьяны.  
Мчится комета. За ней! Улетимъ!  
Мы торжествуемъ. Смотрите: Румяны.  
Наши румяна намъ бѣсъ приготовъ.  
Здѣсь мы румянимся въ братскую кровь!

Или Луна не бываетъ кровавой  
Въ часъ какъ изъ рощи выходитъ со славой?  
Самое Солнце въ ночномъ терему  
Развѣ не спитъ, все укутавшись въ тьму?  
Темны вы? Душу сильбаѣ темните.  
Красны вы? Тките кровавыя нити.



Петлями бѣлыя шеи стяните.  
Бубните въ бубны, средь стынувшихъ странъ.  
Мигъ торжества всѣмъ отступникамъ давъ.

Только запомни,—ты старъ или молодъ,—  
Плата измѣны—презрѣнье въ вѣкахъ.  
Въ снѣжныхъ равнинахъ крадется къ вамъ голодъ.  
Плахи взрастаютъ въ дремучихъ лѣсахъ.  
Съ неба низвергнется огненный молотъ.  
Въ пляшущемъ пляшетъ не пѣсня, а страхъ.  
Бездна разъятая ненасытима,  
Прежде чѣмъ мечь не возстанетъ на мечь.  
Въ хворостъ затоптана древняя честь.  
Въ хворостъ искра глубоко хранима.  
Брызнетъ. Ужъ брызнула. Мертвые,—мимо  
Мнимо-живыхъ,—посмотри, ихъ не счесть,—  
Вырвались. Мчатся Ихъ мощь нерушима.  
Знаменье всѣмъ вамъ,—вась сколько ни есть,—  
Кровь и огонь и куреніе дыма!



000

Издательство „ВЕРФЪ“ въ Москвѣ.

Мамоновскій пер. 2.

„Пережитое“ (Въ годъ революціи), книга 1-я, ц. 6 р. 50 к.  
Владимиръ Швейцеръ. Ироническій театръ, ц. 2 р.

Готовятся къ печати:

„Пережитое“ (Министры революціи), книга II-я.  
Книга вымысловъ, литературно-художественный альманахъ.

*Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.*

255 K

Цѣна 1 р. 50 к.

